2717 ч/
100

МАЛЕНЬКАЯ БИБЛИОТЕКА

Валентин Катаев

В ОСАЖДЕННОМ ГОРОДЕ

РАССКАЗ

18911

ПЕТЕРБУРГ
1923

3

29

МАЛЕНЬКАЯ БИБЛИОТЕКА

PG3476
.K4
V25
1923

Валентин Катаев

В ОСАЖДЕННОМ ГОРОДЕ

РАССКАЗ

LV OSAZHDENNOM
GORODE

ПЕТЕРБУРГ
1923

Петрооблит. № 2109. Напечатано 3000 экз.

ГОС. УЧ.-ПР. ПК.-ТИП. ИМ. ТОВ. АЛЕКСЕЕВА, КРАСНАЯ, 1.

В ОСАЖДЕННОМ ГОРОДЕ

В ОСАЖДЕННОМ ГОРОДЕ.

Ни серые утюги французских броненосцев, кадивших угольной чернотой над заливом, ни веселые патрули английской морской пехоты, кидавшие футбольный мяч голенастыми лошадиными ногами на цветочных углах и вылощенных площадях, ни вялые тыл рабочих, черными чучелами развешанные контр-разведкой на железнодорожных мостах и фонарях предместий, ничто не могло помочь. Город был обречен.

В великолепном стрекотании кино, упрямо повторявшем каждый вечер сияющее отражение некогда живших, в шелковом хрусте карточных вееров над ломберной зеленью клубов, в костяном щелке ночных выстрелов, похожих на щелк бил-

лиардных шаров, и в щелке биллиардных шаров, похожих на выстрелы, осаждаемый с трех сторон красными город шел к гибели.

Напрасно детские голоса газетчиков с перекрестков пели победу, напрасно снопами синих молний слетали радио Рей-броненосца и козьи кофты французских лейтенантов уверенно торчали за столиками кафе и в зеркалах театральных вестибюлей. Все было кончено. Каждый день брюхатые пароходы огибали маяк, увозя на юг желтые чемоданы миллионеров и походные гинтеры генералов. Толпы обезумевших спекулянтов и ничего не понимавших б...й, неумело терявших в бегстве горностаевые палантины, наполняли порт и висли виноградом на трапах уходящих пароходов.

А те, кому суждено было остаться в городе, ничего не хотели знать, ни о чем не хотели думать. В переулках горели огни. Из погребов, вместе с морским запахом пива неслась музыка. Ясный месяц высоко стоял над железными деревьями, в самом зените, и звезда казалась слезой, упавшей с него и застывшей в густой синеве, не долетев до земли.

Молодой человек в штатском остановился возле одного из погребов, подумал и быстро сбежал по лестнице вниз, толкнув плечом поднимавшегося вверх пьяного матроса в кожаной куртке. Матрос посмотрел в лицо молодому человеку, потом остановился и следом за ним вернулся в погреб.

Подобно всем погребам портовых городов, погреб был похож на романтическую таверну. Крашеный белой масляной краской досчатый потолок блистал перевернутой корабельной палубой. Кофейный грек за прилавком был похож на капитана пиратского корабля. Мутные стены, холодные, запотевшие, пахли спиртом и камнем. Столики в нишах были покрыты зелеными мокрыми клеенками с черными черкесами на лошадях. Калильная лампа за прилавком пела высоким шумным голосом, озаряя фруктовую пестроту и салатную зелень.

Студент прошел в самый темный угол, сел за стол, пересчитал деньги и спросил бессарабского вина. И пока грудастая служанка, тыкая в стороны голыми локтями и стреляя подмазанными глазами ходила за прилавок, он достал из бумажника аптечный пакетик, развернул его, разложил

на столе и, аккуратно зачерпнув ногтем мизинца щепотку белого кристального порошку, с упоением поднес его к раздувшейся ноздре.

В то же время пьяный матрос, с бледным актерским лицом и синей тенью под глазами внимательно и пытливо разглядывал молодого человека. Под тупой фаянсовый стук посуды в кабачке играла музыка. В углу, на помосте, за пианино с ободранной коленкоровой спиной, сидел лохматый юноша в косоворотке и консерваторской тужурке и рядом с ним стоял слепой еврей в синих очках и, уткнув скрипку в ключицу, а подбородок в скрипку—водил худыми очень длинными пальцами мяукающий смычок. Гул голосов покрывал все.

— Маша, водки две стопки—закричал матрос, не отводя темных глаз от лица студента. И когда принесли водку, он твердой, несмотря на то, что был пьян, словно каменной рукой, налил из графина стакан. Потом он тяжело встал и подошел к студенту.

— Виноват, коллега, позвольте вам предложить. Водка. – И поставил перед студентом полный стакан. Студент вздрогнул, и табак, которым он наби-

вал в эту минуту трубку, неловко посыпался между пальцами на мокрую зелень и черноту клеенки. В изумлении, стиснув в руках трубку, он смотрел на матроса. А матрос, ловко захватив из кармана зажигалку и на лету выстрелив ею, поднес дымное багровое пламя к лицу студента. Студент машинально закурил и улыбнулся.

— Вы очень любезны.—И вдруг зрачки у него расширились и темная тень упала на лоб.

— Что вы так на меня смотрите?

— Выпейте,—сказал матрос.

И пока студент пил противную плохую водку, чувствуя ее вес и качанье в стакане, матрос разглядывал крошки табаку на клеенке и бормотал: „английский кепстен“.

Выпив, студент почувствовал, что вокруг что-то начинается, не то убавилось света, не то прибавилось дыму, и все чудесно и неудержимо потекло мимо глаз. И уж ничто не было странным: ни то, что черкесы махали шашками, ни то, что чужой матрос смотрел внимательными глазами и дышал спиртом. Он достал еще порошку и понюхал. Аптекарская, апельсинная свежесть и холод захватили горло и оно стало немым. Перед-

ние зубы замерзли и стали нечувствительными и деревянными, и вместе с тем все стало понятным, простым и до того несложным, что можно было нарисовать.

— Хотите,—спросил он матроса, протягивая порошок.

— А что это такое,—спросил матрос.—Не хочу.

— Как хотите.

— И чувствуя к матросу удивительную нежность, студент стал долго и обстоятельно, проверяя и стараясь говорить именно так, как он думал, рассказывать о своей невесте и о том, что когда играет музыка, звуки кажутся то черными, то белыми, и о том, что жизнь очень сложная и страшная вещь и похожа на сказки Гофмана. И о том, что он больше жить не может и что его мучит прошлое.

— Вы только представьте, вы только подумайте,—говорил он—я ничего не знаю, я ничего не понимаю. Но только то, что было, тот прекрасный изумительный мир, который был раньше, навсегда и безвозвратно умер. То, что в городе голод—не важно. То, что не во что одеться—тоже

не важно. Важно, что нет новых книг и нет новых журналов, нет сотни тех мелочей, из которых складывалась прошлая жизнь. Вы меня понимаете. Поймите. Представьте себе так: 1911 год. Зима. Пять часов вечера и вы возвращаетесь домой. В темной столовой, над крахмальной скатертью горит лампа. Сквозь густой белый колпак пламя кажется красной коронкой. За окном снег. Все сине, а здесь тепло и хорошо от натопленной печки. А на столе лежит только что принесенная почта. От туго сложенных, забандероленных газет пахнет сыростью и морозом, а от писем холодным яблочным клеем. О, какой длинный путь они совершили: из Москвы, из Вологды, из Вятки, к югу. И представляешь себе Россию, как шкуру огромного белого медведя, по которой во все стороны ползут поезда. Сугробы завалили полустанки. Фонари горят в заре, как елочные звезды. Возле проруби стоят игрушечные кустарные бабы с ведрами, а вагон мотает и хочется спать, и фонарь, задернутый красной занавеской, стрекочет кузнечиком. Ах, всего этого нельзя рассказать. Об этом можно только написать стихи. Вот, хотите, я вам прочту... И он суетливо полез в боковой

карман, но вдруг побледнел: прямо против него, глядя в упор, протекали жестокие сумасшедшие глаза матроса.

— Продолжайте, продолжайте. Письма Газеты. Медведь. А Колю кто расстрелял? Говори, контр-разведчик. Стой, молчи.

— Студент быстро встал и отвернулся, не в силах пошевелиться.

— Эй, играйте похоронный марш, даю десятку,—закричал матрос, покрывая шум.—Прошу всех встать. Вечная память тебе, Коля!

Кое-кто встал, кое-кто не услышал. Музыканты оборвали „графа Люксембурга“, пошептались и стали играть траурный марш Шопена. Матрос положил руку в карман. Студент был недвижим.

— Письма, газеты, шкуры,—кричал матрос,—почитай-ка, почитай-ка свои стихи. Молчи, негодяй.—И не успел студент повернуть голову от стенки, как матрос закричал во весь голос:

— Товарищи, смотрите все, это поручик Гесс, контр-разведчик, бейте его!

Студент закрыл глаза и в ту же секунду почувствовал, что с ним происходит что-то ужасное

непоправимое, и все летит к чорту. Вторая пуля попала в стенку, и белая штукатурка посыпалась на черное пальто, лежащее на полу. Сейчас же раздался женский крик, и на пол полетел поднос. А матрос, расталкивая локтями людей, кошкой бросился к лестнице и, быстро выдвигая по очереди то правое, то левое плечо, как по трапу, взбежал по ней на улицу в темноту, туда, где над домами стоял спустившийся месяц, краем своим касаясь черной трубы.

Самарская Центральная Библиотека Уставная

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Евг. Замятин . . . . **Мамай**

„ „ . . . . **Землемер**

Вл. Лидин . . . . . **Будда**

„ „ . . . . . **Ковчег**

Валентин Катаев . . **В осажденном городе**

НОВИНКИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

Арнольд Беннет . . **Лондонские рассказы**

Бл. Ибаньес . . . . **Четыре сына Евы**

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Юрий Слезкин . . . **Лживое обольщение**

„ „ . . . **Голуби**

„ „ . . . **Памяти Блока**

НОВИНКИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

Марсель Тинэйр . . **Железное кольцо**

Ф. Гопкинсон-Смит . **Просто-на-просто Фин**

Джиовани Папини . . **В тюрьме у самого себя**

№ 51

Издательство Л. Д. ФРЕНКЕЛЬ

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

Москва, Камергерский пер., 5 (угол Б. Дмитровки) «Универсальный Книжный Магазин».

ПЕТЕРБУРГ, Мойка, 42, кв. 25 (изд-во Л. Д. Френкель).